

ЧТО ТАКОЕ ЕВРЕЙ?

Вопрос: что такое еврей? - это важный вопрос, интересующий каждого кто имеет хоть какое-нибудь отношение к еврейству, а обсуждение этого вопроса и исчерпывающий ответ на него позволили бы евреям разрешить свои сомнения в том, евреи ли они. Вопрос этот затрагивает самые важные аспекты сущности и бытия еврейского народа. Исчерпывающее и содержательное определение даст возможность установить, существуют ли сегодня евреи и до каких пор они будут существовать, имеется ли у еврейства внутренняя сущность, не поддающаяся под то определение, которое еврейство получает извне от разного рода антисемитов. При этом неважно, будет ли такая дефиниция носить национальный, религиозный или биологический характер и каковы окажутся ее составляющие, - важно, чтобы она затрагивала самую суть проблемы, а значит, и определяла рамки еврейского бытия.

На протяжении многих веков такой вопрос попросту не существовал. Принадлежность к еврейскому народу связывалась с принятием определенного образа жизни; евреем назывался человек, принявший те верования и тот способ существования, которые диктовал ему иудаизм. Любое сознательное отклонение от этого образа жизни, будь то в теории или на практике, расценивалось как измена еврейству во всех его проявлениях, и речь здесь идет не только о тех евреях, которые приняли другое вероисповедание.

Такое положение вещей, существовавшее в течение долгого времени, стало изменяться в девятнадцатом столетии с возникновением движения Аскала. Все больше и больше евреев стали частично или полностью отказываться от фундаментальных предписаний исторического иудаизма, но тем не менее евреи эти не переходили в другую веру и продолжали считать себя евреями. Если в девятнадцатом веке число таких людей было незначительным, а иногда и вовсе сходило на нет, то в тридцатые годы нынешнего столетия их уже, несомненно, было большинство в еврейском народе. Возникла серьезная проблема: как определить их еврейство? Что такое еврей - применительно к этим людям?

Все это относится не только к тем евреям, которые сами себя считают совершенно нерелигиозными, но и к различным идеологическим течениям в нынешнем иудаизме. Реформаторы, а в определенном смысле также и большинство консерваторов, не исповедуют иудаизм в исконном, историческом значении этого слова. Что касается их, то дело здесь не в различии Галахи и религиозной практики, а также не в приятии или неприятии некоторых положений веры. Многие века сама возможность спора служила фактором, объединяющим различные течения иудаизма. Когда спорящие стороны основывали свои представления на одних и тех же первоисточниках, одинаково авторитетных для них, то даже в случае разногласий по поводу толкований Писания или смысла книги Зоар, у спорящих сторон всегда имелся общий базис, как бы далеко ни расходились их выводы.

Разумеется, и в наши дни возникают подобные споры, касающиеся проблем Галахи и основоположений веры. Что же касается большинства евреев нашего времени, в том числе верующих, то между ними существуют расхождения не только в выводах, но и - это более существенно - такое расхождение, которое лишает их общего базиса в споре.

С этой точки зрения, лишь ортодоксальный иудаизм (здесь имеется в виду не политическое течение и не определенная конфессия, а образ жизни и мировоззрение) способен выдержать подобное испытание. Каким бы странным это ни казалось, но при создавшемся положении вещей лишь представители незначительной части народа могут быть названы евреями в полном смысле слова. Поэтому вопрос "что такое еврей?" приобретает иную, не менее важную формулировку: существует ли (а если нет, то может ли быть) такое определение, под которое подпадало бы большинство евреев нашего времени?

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Теоретически нетрудно выделить такие черты характера, способ мышления и абстрактные идеи, на основании которых можно было бы дать определение сути современного еврейства или, по крайней мере, попытаться представить себе возникновение этой сути в будущем. Однако сомнительно, что пути к определению понятия "еврей" могут быть найдены вне связи с еврейской историей.

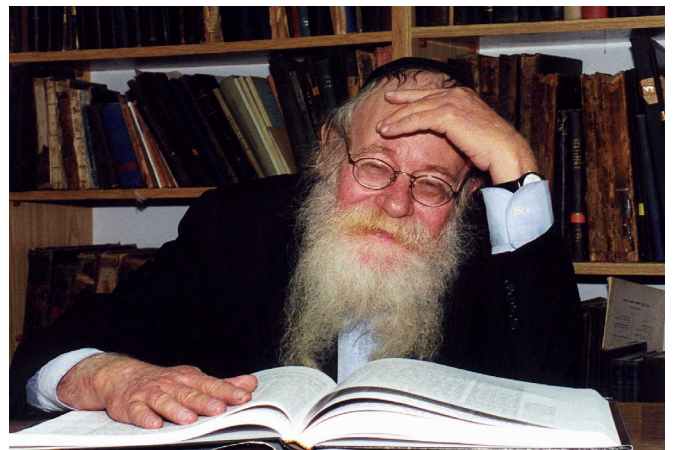
В жизни еврейского народа история играла иную роль, чем в жизни любого другого древнего народа. Понятно, что еврейское прошлое обладает особым значением при выработке концепции еврейского народа. Всякая нация или народность приобретает свою специфику и превращается в

нечто единое благодаря наличию некоторых обстоятельств, таких, например, как родная земля, единство языка и культуры, общность происхождения или общее прошлое. Но у еврейского народа в его современном состоянии нет общей географической родины. Исконный его язык - это язык культуры для некоторой части народа, а не живой его язык, не язык повседневности. А с оскудением религии не осталось у евреев объединяющей их общей культуры, ибо еврейская культура представляет собой литературные и иные проявления иудаизма. Само собой понятно, что существует ивритская культура и, быть может, культура светского еврейства, но такая культура не является всееврейской и не имеет отношения ко всему народу в целом. Ивритская литература - даже самая первоклассная и высокохудожественная - удовлетворяет потребности лишь граждан Государства Израиль и носителей языка иврит. С этнической же точки зрения трудно утверждать, что существует такой этнос, как евреи. Даже попытки антисемитов отыскать общие этнические черты, объединяющие евреев, потерпели неудачу. Географическая разобщенность, с одной стороны, и принятие в свою среду прозелитов - с другой, за долгие века размыли черты общего этнического происхождения евреев. Особенно важна проблема прозелитов. Можно констатировать, не вдаваясь в подробности того, сколь велика доля прозелитов и их потомства среди еврейского народа, что сам факт вхождения их в еврейскую среду и растворения в ней лишает силы концепцию этнической общности евреев. Отсюда следует, что общее прошлое и еврейская история занимают важнейшее место в определении понятия еврейства. Более того: история еврейского народа это его родина.

Нам хотелось бы подчеркнуть, что лишь эта дефиниция является определением национальности, тогда как конфессиональная дефиниция носит в значительной мере внеисторический характер. Поскольку, согласно рабби Саадии-гаону, "наша нация только благодаря Торе своей является нацией", а Тора, взятая сама по себе, не может рассматриваться как культурно-историческое явление, то всякий, кто придерживается Торы в ее данности, может считаться евреем, и роли здесь не играют ни его прошлое, ни предшествующая история еврейской культуры. Это значит, что обоснование еврейства приводит к исторической дефиниции только в том случае, если это обоснование осуществлено не с религиозно-галахической точки зрения. Другими словами, всякое определение того, что такое еврей, не базирующееся на еврейском прошлом, не только не может считаться правомочным в историческом аспекте, но и лишено смысла с точки зрения современности.

Любое определение еврейства, даже предельно далекое от простой и ясной концепции еврейского прошлого, неизбежно окажется связанным с этой концепцией. Быть может, следовало бы выразить сущность еврейства в дефиниции, более приближенной к проблемам наших дней, но в любом случае эта дефиниция будет включать в себя все еврейское прошлое.

Содержательный ответ на вопрос, что такое современный еврей, связан, следовательно, с нахождением такого определения, которое отвечало бы менее строгим критериям, чем требования ортодоксального мировоззрения.

Не выдерживают критики большинство израильских определений, связывающих еврейство с существованием еврейского государства, а также попытки определить еврейство с помощью выражения "светоч народов", ибо это определение носит столь общий характер, что почти не содержит в себе никакого смысла. "Ожившая пустыня", "социалистическое общество" или "вера в избавление", - даже если все эти определения сложить вместе, не приобретут никакой специфики. Та же участь постигла тех, кто пытался дать исковое определение на много раньше. К примеру, определение всего свода заповедей через предписание "Возлюби ближнего, как самого себя" содержит в себе, безусловно, некую специфику, однако в качестве самостоятельного определения, вне связи с 613 заповедями, оказывается столь отвлеченным, что перестает быть понятным. Общим во всех этих попытках определить еврейство оказывается то, что все они внушают мысль об отсутствии у еврейства (разумеется, не у иудаизма) какого бы то ни было собственного содержания.

Мало того, подобные определения приводят к негативистским выводам относительно еврейства как такового. (Ибо явление, лишенное содержания, не стоит того, чтобы им дорожили). Большинство таких дефиниций являются негативистскими по самой сути, ибо пытаются избежать указания на специфику, обозначающую и пугающую. Поскольку же они хотят быть определениями, в которых отсутствует отчуждающая специфика, они немедленно оказываются лишенными какого-либо конкретного смысла.

Вывод из всего этого чрезвычайно прост, хотя может показаться странным: чтобы определение того, что такое еврей, обладало конкретным смыслом, а не было маловразумительной абстракцией, оно должно явным образом заключать в себе указание на еврейскую специфику, на то, чем еврей отличается от любого другого человека. Тому, кто строит свое определение еврейства через понятие 613 заповедей, нет нужды объяснять, что он имеет в виду еврейство, а не буддизм. Иначе обстоит дело с краткими определениями. Для того чтобы она не только давала общее определение, но и подчеркивала особенности еврейства. И даже в своей самой общей форме: еврейством является такая-то идея, такая-то система верований, - она должна все-таки говорить об евреях.

Определения того, что такое еврей, в той или иной степени базируются на связи между этим понятием и понятием еврейского народа. Говорят ли они о настоящем или обращаются к прошлому, они в любом случае должны иметь касательство к евреям. Поэтому для того, чтобы понять еврейство любой эпохи, необходимо выработать определенную концепцию, объясняющую сущность национальных связей между евреями на протяжении многих веков.

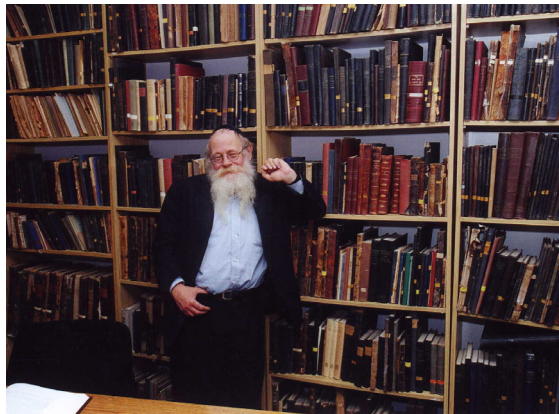
ДОМ ЯАКОВА

На вопрос о том, что именно служит звеном, связывающим между собой евреев, ответить нелегко. Мы уже указывали на трудности, возникающие при попытке взглянуть на евреев как на нацию в обычном смысле этого слова. Ведь со времени разрушения Второго Храма, а может быть, уже со времени разорения Самарии, большая часть еврейского народа не живет на своей земле, не знает собственной политической жизни. История еврейства Земли Израиля, при всей ее национальной значимости, является в узко политическом смысле исключительно историей евреев израильской земли. Несомненно, что на протяжении многих столетий поддерживались интенсивные взаимоотношения между диаспорой и Землей Израиля, однако эти взаимоотношения, рассматриваемые сами по себе, лишь обостряют извечный вопрос о природе объединяющих евреев связей. Ибо евреи (чье не вмешивающееся ни в какие рамки естественное существование в качестве народа было замечено еще в далеком прошлом) в той или иной степени ощущают эту удивительную связь с израильской землей и ее обитателями даже в наши дни. В конце концов указание на то, что "существует один народ, рассеянный и разбросанный среди народов, и вера его иная, чем у других народов", и законы царя они не исполняют" (Эстер 3,8), было дано в очень далекие времена, и уже тогда существовало непонимание сущности этого "народа".

Можно попытаться дать определение связи между евреями как связи религиозной, а еврейство определить как религию. Но этого явно недостаточно. Следует подчеркнуть, что представление о еврействе, принятое в еврейском народе на протяжении многих веков (хотя были и исключения), подразумевало, что иудаизм имеет отношение только к евреям. Лишь в редкие эпохи была широко распространена практика прозелитизма, но по большей части этого старались избегать. Вместе с тем, как уже отмечалось, ничто не препятствовало притоку прозелитов из любого народа и расы. Следовательно, помимо того, что не существует этнически чистого еврейства, требование о сохранении этнической чистоты не является одним из основоположений иудаизма.

Несмотря на все эти странности, существует исконно еврейское представление о природе звена, связывающего между собой евреев, и мало того, что это представление включает в себя еврейское прошлое, - оно еще дает возможность выработать исходную посылку для определения "что такое еврей", сохраняя свое значение даже для наших дней. С исконно еврейской точки зрения, еврейский народ является не народом в точном смысле этого слова, а семьей. Слова "дом Яакова", "дом Израиля" дают исчерпывающее обозначение еврейского народа и выражают сущность искомой связи как связи между членами одной семьи. Еврей связан со своим народом не только культурными и эмоциональными связями, объединяющими между собой представителей одной нации. Это связующее звено не зависит даже от наличия общей географической родины. Принадлежность к семье, в отличие от любых других отношений, не является произвольной: человек не выбирает себе семью, и не в его воле освободиться от родственных уз. Человек может не любить своих сородичей, даже сознательно вредить им, и тем не менее он не в силах разорвать узы, которые связывают его с ними. Тон утверждения, что "Израиль, даже согрешивший, остается Израилем", прекрасно поясняет такое положение вещей, когда принадлежность к дому Израиля не может быть устранена.

Точно так же религия Израиля не может рассматриваться как всеобщая религия, как выражение общей истины, значимой для всего человечества. Это не означает, что в иудаизме отсутствуют основоположения, значимые для других народов, однако в целом иудаизм - это способ существования сынов дома Израиля, форма жизни семейства Яакова. Иудаизм не является религией, которая досталась евреям случайно, - он предназначен специально для евреев. Из этого понятно, почему евреям всегда было чуждо миссионерство. По правде говоря, в этом нет ни грамма высокомерия или сепаратизма. Это является жизненной позицией, продиктованной связями внутри одной семьи, со своими собственными обычаями и законами. В связи с этим прозелитизм рассматривается как присоединение к некоей специфиче-

концепции, а являются лишь выражением чувства общей принадлежности к чему-то. И хотя семейные связи примитивны и иррациональны, это не уменьшает их значимости. Напротив, это наиболее могучие, наиболее фундаментальные связи, наиболее прочные на разрыв.

Тот факт, что представители еврейского народа именно таким образом рассматривают (или точнее - ощущают) свою принадлежность к народу, выражается, к примеру, в неприязни к выкестам, которую чувствует любой еврей (даже атеист), и неприязни эта сродни тем чувствам, какие испытывают члены семьи по отношению к тому, кто пренебрегает своей семьей и отказывается от нее: члены семьи не желают мириться с этим фактом, ибо выйти из семьи невозможно, и само желание порвать с семьей вызывает отращивание. В чем же суть этой семейственности, объединяющей евреев? Быть может, осмысление природы прозелитизма позволит подобрать ключ к пониманию сущности отношений между евреями, ибо в отличие от того, кто родился внутри еврейства и кому иудаизм достался по наследству, тот, кто проходит процедуру принятия иудаизма, вступает в народ Израиля сознательно, усваиваясь семьей, делая явным характер исконных связей в этой семье. Существует некоторое число законов, отделяющих прозелитов от остальных евреев, однако эти законы являются лишь внутри семейными перегородками, вроде тех, например, что отделяют кознов от остальных евреев. Прозелит, принявший иудаизм (а не просто пришедший), становится частью дома Израиля, реально входит в состав семьи. По существу, вопрос ставится так: как, когда и каким образом происходит этот акт присоединения и усвоения? Согласно воззрениям иудаизма, "прозелит, принявший еврейство, подобен только что родившемуся младенцу", и поэтому он считается свободным от всех прошлых отношений и связей. Приняв иудаизм, прозелит теряет не только свою расовую и национальную принадлежность, но и биологическую связь со своей прежней семьей. Следует помнить, что религиозный обряд принятия иудаизма (обрезание и окунание), при всей его галахической важности, не является сакральным актом перерождения. Обрезание и окунание - это заповеди, относящиеся ко всему еврейству в целом; у них есть свой специфический смысл, никак не связанный с той концепцией рождения заново, которая характерна, например, для христианского обряда крещения. Актом по-настоящему действенным (при отсутствии которого не имеет реальной силы религиозный обряд) является желание соединиться и слиться с домом Израиля на любых, связанных с этим, условиях. Прозелит усваивается семьей Израиля не благодаря его условному приобщению к праотцам семейства (хотя прозелит "сын Авраама, отца нашего", он, однако, не является в том же самом смысле "сыном Яакова"). Он становится сыном Израиля в силу своего желания принять законы иудаизма. Это значит, что суть "семейства Яакова" не биологическая, а идеальная. Народ Израиля - это умопостижимый феномен, носящий характер семьи, феномен, обретенный в своем роде и определяемый этой своей особенностью.

Талмудические высказывания: "Твой отец - это Святой, Благословен Он, а мать - это община Израиля" - не является аллегорией. Оно не является также отвлеченной теологической формулой. На самом деле, это несколько поэтизированное определение сущности взаимоотношений между евреями. Еврейский народ - это семья, и евреи - это братья и сестры, дети одного отца. Однако отцами еврейской семьи (при том, что они являлись биологическими и историческими прародителями евреев) были не Авраам, Ицхак и Яаков, ибо связующее звено между евреями создано не ими, а специфическим отцовством Святого, Благословен Он. Быть может, лучше всего иллюстрируют эту идею слова пророка: "Ибо Ты - Отец наш, ибо Авраам не признает нас, а Израиль не считает нас своими. Ты, Г-сподь, Отец наш, Избавитель наш от века имя Твое" (Ишая 63, 17). Это значит, что рассматриваемое определение не является по существу определением теологическим. "Ты - Отец наш" - это не ханжеская декларация религиозной приверженности, а чуть ли не утверждение биологического родства. Вера и отношение к Б-гу не носят в иудаизме абстрактного или "религиозного" характера в том смысле, как это понимается в других религиях. Такое отношение само по себе служит базисом для сплочения и слияния еврейского народа. Это религиозное отношение - то, что называется "религией Израиля", - является поэтому лишь системой родственных отношений, семейных церемоний, принятых между отцом семейства и его детьми. Здесь скорее всего имеет место поддержание и подтверждение "семейных связей" еврейства, чем система верований и взглядов.

Эти определения, как видно по их языку, являются иудаистическими определениями, и поэтому создается впечатление, что их легко оспорить. Какое они имеют касательство к еврею, который не выполняет заповедей, какое они имеют касательство к еврею, который иначе относится к Б-гу, и какое они имеют касательство к атеисту, который отрицает все и вся? Но, как уже говорилось, узел, связывающий евреев в единое целое, является не идеальным узлом, зависящим от принятия или неприятия некоторых идей, а "семейными узами", имеющими источником иные пласты души. Сын может не постигать сущности своей связи с отцом, отрицать наличие такой связи или факт существования отца, - но при этом он остается его сыном.

Идеологические соображения могут быть не принимаемы в расчет евреем, но он продолжает поддерживать семейные отношения, как и любые другие родственные связи, - эмоционально, бессознательно. Отсюда этот фундаментальный национальный характер "царства священников и святого народа", это стремление быть священником и гласателем борьбы за святое дело, за освобождение, за идеалы, принимающие обличия, которые навязывает время; это чувство долга и амбиции "сынов Б-га живого", выражающиеся тысячами способов, но имеющими под собой одну реальную подоплеку. Отсюда же ощущение связи с другими евреями, ощущение непонятное, удивительное и вызывающее тревогу во времена кризиса, в пору поисков своего истинного места в мире, в пору, заставляющую еврея почувствовать, что он является сыном своего Отца и его место рядом с другими Его сыновьями.

«Да будем мы к своим друзьям пристрастны...»

(Петр Руднев: коллега, учитель, друг)

Петр Александрович Руднев приехал в Петрозаводск в 1973 году, пройдя по конкурсу доцентом кафедры литературы Карельского педагогического института. И с первых же лекций и бесед с коллегами обратил на себя внимание своей неординарностью, преподавательской страстностью. Он сразу вызвал огромное уважение, даже восхищение одних и неприятие других. Неприятие охранителей официального литературоведения, для которых занятия Руднева стиховедением ассоциировалось с формализмом. Ничего удивительного: Руднев был первым ученым - стиховедом в Петрозаводске.

Некоторые биографические сведения. Родился 27 марта 1925 года в Ставрополе. В 1942 году со школьной скамьи был призван в армию. Воевал на Кавказском направлении. Был контужен. В 1945 году демобилизован. Экстерном сдал экзамен за 10-й класс. Из воспоминаний П.А. Руднева «В те годы дальние, глухие», опубликованных в газете «Лицей» (1994, апрель, май): «В конце августа сорок шестого года я стал студентом отделения классической филологии факультета русского языка и литературы Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. Какое безграничное счастье!.. Еще бы за спиной два с половиной года войны, а я не только жив, но и не изуродован, как некоторые мои соотарищи по факультету и общежитию... И - самое главное: сбылась моя мечта, заветная - стать студентом-филологом. Окопы, вши, сыпняк, «уборка конского состава» - все это далеко позади». В 1950-м Руднев получил диплом с отличием и квалификацию учителя греческого, латинского и русского языка. Один из лучших и любимых учеников академика А.Ф. Лосева, с которым позже связывала многолетняя дружба. Автографы Лосева на книгах, подаренных Рудневу: «Дорогому Пете Рудневу, тончайшему ценителю поэзии и моему другу» (на книге «Проблема символа и реалистическое искусство»). «Дорогому Пете Рудневу в знак старых и неизменных симпатий» (на «Истории античной эстетики»). «Дорогому Пете Рудневу - моему старому соотарищу в борьбе со злом» (на «Введении в общую теорию языковых моделей»), «Дорогому Пете Рудневу с чувством неизменной близости учителя и ученика. Любящий автор»... В 1983 году в письме поэту Давиду Самойлову Руднев писал: «В конце сентября съездил в Москву - поздравить своего первоучителя А.Ф. Лосева с 90-летием и даже написал ему латинские стихи сапфической строфой».

Тем не менее, жизнь в науке для Руднева складывалась весьма непросто. Представленная им в 1968 году в Ученый совет МГПИ диссертация «О стихе А.Блока. Полиметрическая композиция. Метр и смысл», несмотря на высокую оценку официальных оппонентов и А.Ф. Лосева, большинство голосов, признававших ее формалистической, была отклонена, а соискателю отказано в присуждении ученой степени кандидата филологических наук. О других причинах свершившегося и атмосфере защиты вспоминает присутствовавший на ней коллега по Коломенскому пединституту К.Г. Петросов: «Первый звонок прозвучал во время оглашения «личного листа по учету кадров». Дойдя до пункта 5, секретарь совета придал своему лицу лукавое выражение и, прочитав с нашим «русским», выдержал многозначительную паузу. Члены совета при этом дружно и громко вздохнули, выразив таким образом недоверие национальной принадлежности соискателя. Между тем П.А. Руднев, не скрывавший даже в самые трудные времена своих симпатий к гонимым «космополитом», был по сути русским и имел полное основание запечатлеть этот факт в анкете (мать - Зинаида Абрамовна Зайденшур - С.А.).

В 1969 году Петр Александрович блестяще защитил кандидатскую диссертацию в Ученом совете Тартуского университета, а его официальный оппонент академик В.М. Жирмунский назвал автора фундаментального исследования «Метрика Александра Блока», «новатором в изучении стиха». В нем Руднев ввел термин «полиметрическая композиция», прочно вошедший в стиховедческую науку. Более 70 научных работ Руднева опубликовано в авторитетнейших изданиях по теории и истории стиха. Монография «Введение в науку о русском стихе» стала библиографической редкостью. Руднев - исследователь метрики Н.А. Некрасова, В.Я. Брюсова, составитель, метрических справочников по стиху А.Х. Востокова, И.Ф. Анненского, А.С. Пушкина, Е.А. Баратынского, П.А. Катенина, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, составитель библиографии стихорусистики.

Вдающийся ученый нашего времени Ю.М. Лотман, с которым Руднев довелось работать в Тартуском университете, называл его «одним из ведущих специалистов в области русского стиха». А всемирно известный филолог, стиховед, автор книг об античности академик М.А. Гаспаров писал о том, что Руднев «заглянул в глубину связи между формой и содержанием, а его методологический опыт представляет еще больший интерес для всех, кому придется заниматься стилистикой стиха».

Авторитет Руднева-ученого был очень высок. «Обеспокою Вас консультацией о стихе Брюсова <...> я ссылаюсь на Вас как на одного из самых авторитетных для меня исследователей по стиху», - писал в 1984 году ленинградский профессор Д.Е. Максимов.

Заслуги Руднева - стиховеда по достоинству оценили не только коллеги-ученые, но и поэты. И среди них уже упомянутый Давид Самойлов, который сам занимался стиховедением, написал «Книгу о рифме» и с которым обменивались стихотворными посланиями («Я дошел до точки/Зрения нема. И на этой строчке /Я Вас обнима. Ваш Самойлов»). А это из его письма: «Очень приятно, что в разных городах страны строятся части стиховедческого здания». Стиховедческую школу Руднева прошли такие теперь известные ученые-филологи, как М. Лотман, С. Шахвердов, А. Байбурин, А. Белоусов, В. Руднев. Добавлю: вдвойне приятно, что стиховедческое здание усилиями Петра Александровича и его учеников, возводилось и в Петрозаводске. Среди многих его учеников - особо любимая им Ирина Нилова, ныне замечательный преподаватель литературы Петрозаводского музучилища. В 2003 году в издательстве КГПУ вышло учебное пособие «Введение в стиховедение. Метрика. Ритмика. Строфика. Стих и смысл» с преамбулой: «Светлой памяти учителя, друга, мужа Петра Александровича Руднева посвящаю» Лидии Петровны Новинской. В некрологе (а он умер в октябре 1996 года), в бюллетене Оклендского университета (Новая Зеландия) его ученики пишут: «Говоря о значении в науке П.А. Руднева, мало перечислить его труды и идеи. Нужно отдать должное тому стимулирующему воздействию, которое он оказал на формирование целого поколения русских стиховедов».

Говоря о Рудневе - стиховед, хочу назвать издание, которое вышло в 1986 году в Петрозаводске в издательстве «Карелия» Это томик стихов Анафасия Фета, составленный, прокомментированный Рудневым и предваренный его оригинальной статьей о личности, жизни и творчестве поэта.

Особая ипостась П.А. Руднева - вузовский лектор. Петрозаводск не был обременен интересными, яркими преподавателями-филологами. Студенты филологических факультетов университета и пединститута разных поколений помнили и помнят лекции В.М. Морозова, И.П. Лупановой, М.М. Гина, А.Я. Рез-

никова. Но с Рудневым пришел новый тип вузовской лекции. Проблемность, глубина всякий раз соединялись с огромной библиографической оснащенностью. Лекция оказывалась ареной столкновения мнений. Приглашением к раздумью над творчеством писателя, отдельным произведением, литературным явлением, в котором скреплялись разные точки зрения, прочтения, подходы, исследовательские методики. Студент (или другой слушатель) не просто приобщался к готовому знанию, наблюдению, а вовлекался в процесс рождения или формулирования понятия, термина (напр., «лирический сюжет», «эпопея»). Интересно, что библиографическая насыщенность лекций Руднева никогда не вызвала ощущения избыточности, перегруженности. Быть может, это обуславливалось тем, что весь разнообразный источниковедческий материал одушевлялся уважительным отношением к труду каждого исследователя. Неизменно каждый ученый, независимо от рангов и званий, в лекциях Руднева назывался по имени-отчеству. Сначала это вызывало удивление, нередко улыбку, а позже незаметно привилось, стало нормой для многих преподавателей кафедры, а затем и студентов особенно на процедуре защиты дипломных работ. Лекции Петра Александровича отличали тщательно продуманная структура, композиционная строгость, соразмерность всех частей, наконец, экспрессивность, особая энергия, которая передавалась слушателям. К этому добавлю: читал Руднев свободно, как будто импровизировал. Но именно «как будто», потому что за всем этим стояла огромная работа. Мне не раз приходилось быть свидетелем того, как Петр Александрович готовился к лекциям: отбирал материал, много раз просматривал свои записи, перечитывал тексты. А главное - внутренне сосредотачивался. Становился напряженным. Волновался. Но зато после удачно прочитанной лекции начинал шутить, потирал руки. Любил, когда хвалили, - радовался, как ребенок.

Известный филолог Б. Я. Бухштаб, относившийся к Рудневу с трогательной отеческой любовью и заботой (не раз это наблюдала) называл его «преподавателем по натуре». Сам же Петр Александрович в письме к Борису Яковлевичу писал: «...выкладываю до последнего, прихожу домой (точнее приволакиваю) и даже иногда не могу заснуть».

Лекции П.А. пользовались огромной популярностью. «На Руднева» ходили не только сотрудники кафедры (некоторые из них полностью прослушали его курсы «История русской литературы второй половины XIX века», «Теория литературы», спецкурс по стилистике стиха), но и студенты других факультетов, преподаватели Петрозаводского университета и Петрозаводской консерватории. Не напрасно выкладывался до последнего на своих лекциях Петр Александрович, не напрасно священнодействовал. Его учительство с благодарностью вспоминают коллеги и многие выпускники: «Мы учились у Руднева», «Мы сдавали Рудневу». А это мнение одной из выпускниц института Е.И. Сярки: «Одно из самых светлых воспоминаний об институте - Петр Александрович Руднев. Его лекции - наслаждение. Он ассоциировался у нас с Ю.М. Лотманом. Как он читал!.. Уважал наше мнение, выслушивал. Мы подтягивались, хотели нравиться ему, быть для него интересными собеседниками. Стыдно было чего-то не знать. Поэтому как готовились! Был праздник, если чувствовалось, что Петру Александровичу это интересно. Он учил нас культуре общения».

Нисколько не преувеличивая, скажу: Руднев - лектор, Руднев - преподаватель оказал на меня огромное влияние. Училась у него. Просматривая свои лекции по фольклору, древнерусской, детской литературе, невольно ловила себя на мысли «а что здесь скажет Руднев?» Сам факт его присутствия на кафедре обязывал, хотелось соответствовать.

Но совершенно особенным было влияние Руднева на моего сына Якова Гина. И это уже отдельный разговор.

Из сказанного мною создается образ этакого академического ученого, образованного, эрудированного, но неприступного и стоящего «над». Это совсем не так. Руднев был очень открытым для общения человеком и особенно для молодежи. Он дорожил отношениями с ней, не допускал никакой снисходительности и высокомерия. Его демократизм органичный. В их с Лидией Петровной гостеприимном и хлебосольном доме любили бывать люди разных возрастов и занятий. Здесь всегда было интересно и весело. Петр Александрович умел и шутить, и балаганить, и сочинять пародии, и шаржи..

В двадцать три года он был в нашей жизни, когда нас связывала дружба. Двадцать три года «работали с тобой» (это из его стихотворения мне на 8-е марта, когда «принес тебе в подарок Лихачева»). Двадцать три года он не просто присутствовал, но был живой связью родственной души. А это самое нерасторжимое единство.

Последние годы жизни были для Петра Александровича нелегкими. Он очень страдал от вынужденного из-за болезни выхода на пенсию. И часто повторял эти тютчевские строки:

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня.
Тяжело мне, замирают ноги.
Друг мой милый, выйдешь ли меня?

В ответ на этот вопрос приведу строку Беллы Ахмадулиной «Да будем мы к своим друзьям пристрастны», которая имеет печальное и горькое продолжение «Терять их страшно, Бог не приведи». Друзья, коллеги по работе, ученики и среди них два очень известных ученых России А.К. Байбурин и А.Ф. Белоусов собрали и выпустили в 1999 году в Санкт-Петербургском издательстве «Академический проект» книгу «Studia metrica et poetica: Памяти П.А. Руднева» - сборник, содержащий воспоминания, библиографию работ, статьи, посвященные различным вопросам стиховедения и многообразным проблемам изучения литературы и фольклора. И это достойный памятник блестящему филологу.

Софья Лойтер

Поздравляя наших читателей с праздником ПЕСАХ, напоминаем порядок проведения седера:

1. **"Kageu"** (освятить) - приказание произнести молитву Кидуш, освящающую праздник и состоящую из трех благословений: на вино, на праздник и шеэхеяну - (традиционное благословение на новые события, новые плоды и т. п.). После этого выпивают первый из четырех бокалов вина. Каждый участник седера пьет свой бокал вина полулежа, опираясь на левую руку.

2. **"Урхац"** (умой) - все участники седера моют руки, но не произносят при этом обычного при омовении рук благословения и снова садятся за стол. Глава семьи (ведущий седе́р) не встает: все необходимое для мытья рук ему подносят.

3. **"Карпас"** - кусочек лука или картофеля, который лежит на кеара, едят, предварительно обмакнув в соленую воду и произнеся соответствующее благословение для овощей.

4. **"Яхац"** (раздели) - из кеары извлекается средняя маца, она делится на две части, после чего меньшую часть возвращают на место, а большую заворачивают в полотенце (или салфетку) и припрятывают для Афикоман, который съедают в конце трапезы.

5. **"Магуз"** (рассказывай) - начинается сказание об Исходе из Египта. Ведущий седе́р приоткрывает мацу и провозглашает: "Это скудный хлеб, который ели наши предки, выходя из Египта...". И тут же вновь наполняют бокалы. Затем слово предоставляется млад-

шему, который задает традиционные четыре вопроса. Дальнейший рассказ - ответ на эти вопросы. В конце "Магида" все выпивают второй бокал вина, опять же полулежа, опираясь на левую руку.

6. **"Рахца"** (омовение) - снова все моют руки, но теперь произносят обычное в таких случаях благословение.

7-8. **"Мацу-маца"** - взяв в руки три мацы, включая сломанную между двумя целыми, произносят благословение на хлеб. Затем, положив нижнюю мацу обратно на блюдо и держа верхнюю и сломанную, произносят специальное благословение на мацу. Затем, отломив от верхней и средней мацы куски по меньшей мере величиной с казаит (половина круглой мацы или одна квадратная маца), нужно полулежа, опираясь на левый бок, съесть оба куска вместе.

9. **"Марор"** (горькое) - все участники седера берут комочек растертого хрена с салатом (размером по меньшей мере с треть яйца), обмакивают в харосет, затем его стряхивают и произносят специальное благословение. Едят, ни на что не опираясь.

10. **"Корех"** (сверни) - все участники седера делают своеобразный сэндвич из двух кусков мацы (для этого берется нижняя маца), прокладывая между ними хазерет (хрен и салат). Хазерет обмакивают в харосет и произносят памятные слова о мудреце Химмеле - "Кен

осо Химмел..." Едят, опираясь на левую руку.

11. **"Шулхан орех"** (накрой на стол) - это, собственно, трапеза, в которой каждая хозяйка может продемонстрировать свою изобретательность. За едой можно пить вино, но это не засчитывается в число четырех бокалов.

12. **"Цафун"** - после того как еда закончена, должен быть съеден афикоман - припрятанный кусок мацы. Каждый съедает кусок размером по меньшей мере с казаит, полулежа, опершись на левую руку. В первую ночь седера афикоман необходимо съесть до полуночи. После афикомана ничего нельзя ни есть, ни пить (за исключением двух оставшихся бокалов вина).

13. **"Берах"** (благословение) - наполняют третий из четырех бокалов вина и произносят застольную молитву, после чего вино выпивают.

14. **"Халел"** (Хвала) - после наполнения четвертого бокала вина произносят при открытой двери короткую молитву "Шефех", а затем специальную хвалебную молитву "Халмел". В конце седера пьют четвертый бокал вина, не забыв произнести благословения до и после питья.

15. "Нирца" (удовлетворение) - после окончания правильно проведенного седера можно быть уверенным, что он был одобрен Всевышним.

Вышла в свет монография Наталии Гродницкой «Рувим Пергамент: жизнь и творчество» об одном из основоположников современной композиторской школы в Карелии. Его отец Самуил - театральный парикмахер играл в оркестре народных инструментов и даже руководил им (его могила сохранилась на старом еврейском кладбище в Петрозаводске). Дед - из кантонистов, освоивших в Петрозаводске после службы. Уже ребенком Рувим прослыл скрипачом-вундеркиндом, выступая на городских концертах. Затем - Петербургская консерватория, возвращение в Петрозаводск, серьезные занятия композицией, первый крупный успех - вокально-симфоническая поэма «Айно», принесящая автору известность после ее исполнения

на Декаде карельского искусства в Ленинграде в 1937 году. В этом же году Рувим Пергамент становится председателем петрозаводского филиала Ленинградского Союза композиторов. Вклад Рувима Пергамента в музыкальную культуру Карелии значителен: он автор двух опер - комической «Кумоха» и эпической «Три брата»; «Вепской рапсодии» для симфонического оркестра; Концерта для скрипки с оркестром; музыки к драматическим спектаклям; оригинальных песен и обработок карельских и финских песен; музыки для кантеле и многого другого. Появление книги о Рувиме Пергаменте - признание его заслуг перед искусством Карелии.

Кубе из мацовой муки

Для теста: мука мацовая - 1 кг., соль - 2,5 чл., черный перец молотый - 1 чл., вода - 4-6 ст.

Для мясной начинки: лук - 2 шт. (нарезать небольшими кубиками), фарш мясной - 500 гр., кедровые орехи - 50 гр., соль, черный перец по вкусу

Для овощной начинки: лук репчатый - 2 шт. (нарезать небольшими кубиками), баклажан - 1 шт., шампиньоны свежие - 300 гр. (нарезать на четверти), соль и черный перец по вкусу. Растительное масло для глубокой жарки

Смешать в миске все ингредиенты для теста. Добавить воду, пока тесто не станет мягким (мука из мацы, в зависимости от сорта, требует много воды). Замесить тесто.

Для приготовления начинки: разогреть в сковороде растительное масло и обжарить лук до золотистого цвета, добавить туда же мясо (или овощи) и тушить, помешивая, на малом огне примерно 10 минут, пока не выпарится мясной сок (в овощном варианте - до мягкости баклажан).

Взять кусочек теста, смоченными в воде руками и скатать «колбаску» длиной примерно 7 см. Пальцем сделать в ней углубление по всей длине и заполнить его полной чайной ложкой начинки. Слепить, мокрыми ругами заглаживать шов и придать округлую форму.

Разогреть масло в глубокой сковороде и жарить кубе до золотистого цвета.

Готовые шарики выложить на бумажные полотенца, чтобы удалить излишки жира.

Наша кухня

Семга, запеченная в судаче

Филе судака весом 250 г (1 порция) разрезаем «бабочкой», оставив соединительную ткань толщиной около 0,5 см. Развернутое филе посыпаем солью и перцем, сбрызгиваем лимонным соком.

На филе судака выкладываем подмороженные и нарезанные слайсами (лепестками) 100 г семги, чуть присаливаем, посыпаем перцем и молотым розмарином.

Судак плотно закрываем и прижимаем. Выкладываем на смазанную подсолнечным маслом фольгу слайсы припущенной моркови и обертываем ими рыбный «рулет».

Размоченным листом мацы укутываем нашу «матрешку», обертываем фольгой, кладем на противень.

Ставим в духовку и запекаем при температуре 150 градусов в течение 30 минут.

Приятного аппетита!

НЕТ ЛУЧШЕГО ПОКАЗАТЕЛЯ
УМА, ЧЕМ ПОВЕДЕНИЕ

Соломон Габирол